

3 ІСТОРІЇ ВІЗАНТІЙСЬКОГО ХЕРСОНЕСУ

УДК 94 (477.75) «05106»: 336. 74

ВЕСОВОЕ И ДЕНЕЖНОЕ ДЕЛО ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА VI–VII ВВ. КАК КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

С. Б. Сорочан

Сорочан С. Б. Вагова і грошова справа візантійського Херсона VI–VII ст. як критерій розвитку внутрішнього ринку провінційного міста. У статті робиться спроба оцінити стан грошового обігу, важків та вагового обладнання візантійського Херсона VI–VII ст. Така оцінка слугує критерієм для визначення розвиненості внутрішнього ринку цього провінційного міста Візантійської імперії в перехідний період від пізньої античності до раннього середньовіччя. Застосування цього критерію дозволяє дійти висновку, що метрологічні та нумізматичні матеріали Херсона і візантійської Таврики входять у протиріччя з наявними в історіографії уявленнями про скорочення і навіть повне зникнення в цей час випуску монет, особливо мідних номіналів, як показника спаду економічної активності. У статті вказуються компенсатори скорочення грошових випусків державою і робиться висновок, що те, що сталося, не було наслідком падіння попиту на монети дрібних номіналів, які продовжували обслуговувати потреби регіональних, внутрішніх, місцевих ринків Таврики.

Ключові слова: Візантія; Таврика; Херсон; грошовий обіг; нумізматика; метрологія; ранньовізантійське місто.

Сорочан С. Б. Весовое и денежное дело византийского Херсона VI–VII вв. как критерий развития внутреннего рынка провинциального города. В статье делается попытка оценить состояние денежного обращения, разновесов и весового оборудования византийского Херсона VI–VII вв. Такая оценка служит критерием для определения развитости внутреннего рынка этого провинциального города Византийской империи в переходный период от поздней античности к раннему средневековью. Использование этого критерия позволяет прийти к заключению, что метрологические и нумизматические материалы Херсона и византийской Таврики входят в противоречие с имеющимися в историографии представлениями о сокращении и даже полном исчезновении в это время выпуска монет, особенно медных номиналов, как показателе спада экономической активности. В статье указываются компенсаторы сокращения денежных выпусков государством и делается вывод, что случившееся не было следствием падения спроса на монеты мелких номиналов, продолжавших обслуживать нужды региональных, внутренних, местных рынков Таврики.

Ключевые слова: Византия; Таврика; Херсон; денежное обращение; нумизматика; метрология; ранневизантийский город.

Sorochan S. B. Weight and Money Business in Byzantine Cherson in 6th-7th Centuries as a Criterion for the Development of the Internal Market of the Provincial City. In this article we will make an attempt to assess the state of the currency, weights and weight equipment in Cherson in 6th-7th centuries. Such studying serves as a criterion for determining the development of the internal market of the provincial city of the Byzantine Empire during the transition period from late antiquity to the early Middle Ages. Use of this criterion allows us to conclude that the metrological and numismatic materials of Cherson and Byzantine Taurica come into conflict with the existing historiography views on the reduction and even complete disappearance of coins manufacturing at that time, especially copper denominations, as an indicator of economic decline. The article indicates the compensators of reduction the state money releases and it is concluded that the process was not a consequence of the demand fall for coins of small face values, which continued serve the needs of regional, domestic and local markets of Taurica.

Keywords: Byzantium; Taurica; Cherson; currency; numismatics; metrology; early Byzantine city.

На рубеже поздней античности и раннего средневековья византийский Херсон в Крыму представлял образец типичного провинциального города Ромейской империи¹. Это делает его особенно ценным объектом для исследования состояния хозяйства, ремесла, торговли, поскольку положение ранневизантийских городов этого времени остается предметом длительной дискуссии, которой не видно конца. Археологические доказатель-

ства с 1950-х гг. стали главной базой обоснования точки зрения о том, что византийские города и поселения процветали в позднюю античность, потом пережили крах, падение с VI–VII столетий и тяжелое, медленное восстановление к закату средневизантийского периода, оставаясь на более низком уровне, чем в позднюю античность². Ныне у историков нет сомнений в том, что с IV в. и особенно в V–VI вв. Восточная Римская империя обнаруживала явные и многочисленные признаки процветания городской и сельской жизни, даже признаки экспансии и вторичной колонизации земель и их культивации³. В основном исследователи останавливаются на объяснении последующего упадка византийского города как медленного, постепенного или, наоборот, внезапного. Первой точке зрения придерживается, например, Джеймс Рассел, который на Международном конгрессе византинистов в Вашингтоне в 1986 г. доказывал, что гибель археологически хорошо изученного провинциального малоазийского города Анемуриума не была неожиданной, она была предопределена долгим упадком, который продолжался сотни лет, почти до VI в.⁴. Хью Кеннеди тоже полагал, что в византийской Сирии упадок начинался и продолжался медленно (с 550-х гг.), и арабское завоевание практически было лишь одним из многих ударов, которые привели к упадку⁵. На Балканах, тем не менее, разрушение, упадок виделись как внезапные, как результат варварских, особенно славянских и аварских вторжений⁶. Тимоти Грегори в докладе на XVIII Международном конгрессе византинистов в Москве, напротив, высказывал мнение, что «мы не можем объяснить причину упадка, не беря его в контексте предшествующего благосостояния», не учитывая предшествующую высокоразвитую экономику, базировавшуюся на выпуске специализированной продукции. Нарушение движения этой целостной системы вполне могло привести к драматическому внезапному упадку. При этом он приходит к парадоксальному выводу: «В действительности причина упадка античной цивилизации была внутренней и базировалась на большом успехе экономической системы»⁷. Другой фактор упадка урбанистической жизнедеятельности виделся в происшедших в позднеантичную эпоху административных изменениях⁸. Прослеживаемая якобы во всем «деурбанизация» городов вела к уподоблению города селу, сокращению размеров и численности населения, что не мешало таким центрам превращаться в укрепленную крепость, город-крепость, кастрон⁹. В любом случае до сих пор самое простое «объяснение» упадка византийского города в «темные века» строится по схеме – процветание в позднюю античность – хаос, сокращение экономической активности с конца VI–VII вв. – гипотетическое оздоровление экономики в первой половине IX в.¹⁰. Насколько правомерна такая категорическая оценка со всеми ее крайностями? Какие наблюдения входят в противоречие с ней? В этой связи заметим, что рассмотрение материалов именно денежного рынка особенно примечательно и позволяет выявить их специфику, которая дает возможность по новому взглянуть на состояние провинциальных городов Византии, примером чему может служить Херсон в Таврике.

Принято считать, со ссылками на результаты археологических раскопок, что в это время почти исчезают монеты мелких номиналов, наступает длительный упадок медных монет, а в сокращении их выпуска государством и, значит, падении спроса на них видятся последствия сокращения экономической активности¹¹. Это считается общеимперским феноменом, отклонения от которого обнаруживаются, как ни странно, лишь в некоторых, преимущественно малых городах и селах¹². Но первое, что неожиданно указывает на развитость внутреннего рынка достаточно крупного Херсона VI–VII вв. с его населением около 6–7 тысяч человек, именно наличие в обращении в самом городе и менее в его ближней и дальней округе мелкой медной монеты в основном достоинством в пять нуммий (пентануммий), необходимой для повседневных расчетов, регулярной мелкой купли-продажи¹³. Этот же феномен подтверждают находки ранневизантийских разновесов – дисковидных эксагиев из стеклянной пасты и плоских бронзовых или медных гирек, какие обычно с V до VII в. употребляли каталакты, трапезиты при совершении разменных денежных операций, при взвешивании золотых монет (солидов, семиссов, тремиссов), унций и их частей с помощью небольших равноплечных весов – зигий¹⁴. Обращение к подобной практике указывает на широкое распространение злоупотреблений, стремление получить незаконный кердос – доход. Поэтому менялы, сборщики налогов и рыночные торговцы обращались к эксагиям при малейшем подозрении на то, что у монеты подре-

заны края, то есть она имеет неполный вес, но можно было проверить и сами разновесы, поскольку в ромейских городах, а значит, и в Херсоне, были храмы, в которых хранились эталоны всех категорий весовых знаков¹⁵. Предписание 386 г., вошедшее в Кодекс Феодосия, а затем повторенное в Кодексе Юстиниана, приказывало, чтобы «каменные и медные модии», то есть эталонные меры веса, «размещались по станциям и отдельным общинам вместе с секстариями (мера в 1/16 модия) и гириями, чтобы любой налогоплательщик (tributarius) (при помощи) установленных перед глазами модиев (для) всяких вещей знал, что он должен дать приемщикам налогов (susceptoribus)»¹⁶. Согласно новелле 128 от 545 г., выпуск монетных разновесов формально находился в ведении comes sacrorum largitionum, но контроль за подобными стеклянными гириями осуществляли также эпарх Константинополя и провинциальные эпархи, на что указывают их изображения, иногда встречающиеся на таких эксагиях¹⁷. К слову, именно византийцам принадлежит практичная идея изготовления круглых разновесов из сероватого, зеленоватого, голубовато-зеленого, оливкового, коричневатозеленого стекла – материала, с трудом поддающегося повреждению, а значит, и подделке¹⁸. Известно не менее семи категорий и 20 их иконографических типов, но ни один из них не содержит обозначения весовых знаков, что объясняется однообразием веса дисковидных гирек, соответствующего либо одной номисме, либо ее половине или трети – семиссу или тремиссу, наиболее ходовым фракциям золота в денежном обращении¹⁹. Поэтому уже по одной величине эксагия и по его тяжести легко было определить, к чему он относится.

Примером может служить херсонский разновес из стеклянной пасты светло-оливкового цвета, диаметром 21 мм. Он относится к одной из самых распространенных категорий, ибо очерчен узким низким валиком по краю внешней стороны, на которой четыре маленьких точки соединены тонкими рельефными полосками, образующими крест. Между сторонами креста еще четыре маленькие точки. Вес гирьки (4,51 г) почти точно совпадает с эталонным весом византийского солида (4,548 г), допускавшим отклонение в 0,5 г. Эксагий был обнаружен в ходе раскопок Г. Д. Белова на северном берегу Херсонеса в 1931 г., в помещении VII, в слое, который датируется VI–VII вв.²⁰. Аналогичный эксагий, но диаметром 22 мм и с монограммой внутри ободка, происходит из раскопок XI поперечной улицы в 1955 г., где он был найден в засыпи ямы для раствора на кестери, заброшенной, судя по материалам, не ранее конца VI в.²¹. Вообще, большинство стеклянных разновесов принадлежат VI в. и первой половине VII в., после чего арабские вторжения подорвали административную систему, которая контролировала их производство и распространение²².

В византийской монетной системе частями солида являлись также монетные номиналы как тремисс – 1/3 солида, и семисс – 1/2 солида. Очевидно, для их взвешивания служили бронзовые квадратные плоские гирьки размерами от 9,4 до 11 мм и высотой 2,5–3 мм, которые весили 1,33 г (тремисс) или 1,92–2,05 г (семисс). Первые имели на лицевой стороне четыре точки по углам квадрата, а вторые – греческую букву Ν (50) – обозначение веса, нанесенную двойной линией или точками. Следовательно, монетные части солида имели хождение в ранневизантийском Херсоне, хотя самих золотых монет, составляющих части солида, здесь пока не найдено²³. Вместе с тем об их заметной роли в местном денежном обращении, испытывавшем нехватку в разменной монете, свидетельствуют упоминания ссыльного Папы Мартина I, который весной–летом 655 г. пытался в Херсоне приобрести хлеба «хоть на тремисс»²⁴.

Бронзовые гирьки той же квадратной формы, иногда большего веса, вплоть до унции (6 солидов), или в виде плоских кружков, чаще всего с греческой буквенной нумерацией в виде Β (2 нуммия) и ΙΒ (12 нуммиев), относятся к неоднократным находкам, происходящим из дореволюционных раскопок Херсонеса, и отчасти были изданы А. А. Васильевым²⁵. При этом особый интерес представляет набор весовых знаков V–VI вв., обнаруженный в 1904 г., в состав которого входили четыре бронзовые гирьки с изображением фасада трехнефного храма (двух треугольных арок и одной закругленной), надписью *theu charis* («милость Божья») и указанием весового норматива в 1, 2, 3 и 6 унций (ΓΑ, ΓΒ, ΓΓ, ΓΔ), а также пять бронзовых эксагиев с изображением арки на двух колоннах с акротериями (портала храма?) и обозначением буквой Ν («номисма») с серебряной инкрустацией весового стандарта для 2 (Β), 3 (Γ), 4 (Δ) и 5 (Ε) номисм (последних два экземпляра)²⁶.

Издатель набора не сообщил об обстоятельствах и точном месте находки, но из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича следует, что она была сделана в куче золы и углей в большом помещении 6, расположенном между казематом крепостной артиллерии и первым музеем – Складом древностей, то есть в восточной оконечности портового района Херсона, рядом с берегом Карантинной бухты²⁷. Это помещение соседствовало с помещениями 7 и 8, в которых были найдены два пифоса, а с западной и северной стороны примыкали две усыпальницы – кимитирия с многоярусными захоронениями²⁸. В одной из них, усыпальнице «д», трапецевидной формы (2,26 × 0,80 – 0,97 × 1,64 м), из бутового камня и оштукатуренной, среди костяков оказались остатки плотной шелковой ткани, возможно, от церковных облачений, стихарей и 9 бронзовых пуговиц в виде бубенчиков. В другой усыпальнице, обнаруженной годом раньше, череп одного из похороненных нес следы ударов мечом или саблей²⁹. На наличие рядом общественного здания VI–VII вв. указывали остатки стен с характерной кладкой *opus mixtum*, что, вкупе с обнаруженными здесь же многочисленными церковными древностями, элементами архитектурного декора интерьера, фресок, оконных стекол, это позволило заведующему раскопок высказать предположение о некогда существовавшем на полосе откоса артиллерийского каземата небольшой церкви или часовни³⁰. Однако находка здесь же ранневизантийского керамического рельефного штампа для оттиска евлогиев с упоминанием птохиона св. Фоки делает возможным видеть в этом архитектурном комплексе одноименный ранневизантийский нищеприимный дом³¹. Судя по тому, что обнаруженный в помещении № 6 набор принадлежал к разряду эталонных разновесов, которые, согласно новелле Юстиниана I от 545 г., должны были «... храниться в самых святых церквях каждого городов»³², птохион св. Фоки столетиями мог выполнять роль такого хранилища. После VI в. это надолго стало правилом³³. Вообще, его постояльцы, преимущественно приезжие, моряки, торговцы, должны были более других испытывать нужду в услугах менял – трапезитов, каталлактосов, наконец, просто весовщиков – зигостатов³⁴.

Примечательно, что кроме бронзовых разновесов с архитектурными изображениями вместе с обломками бальзамариев, частей точеных костяных коробочек, костяными пластинками К. К. Косцюшко-Валюжиничем было отмечено три стеклянных эксагия диаметром 20–25 мм и крупные фрагменты бронзовых неравноплечных весов – кампанов, с характерными крючками, прикрепленными к стержням безменов³⁵. Совершенно аналогичные кампаны (большой и два малых) входили в состав имущества византийского корабля, около 626–630 гг. погибшего у о. Ясси-Ада (между юго-западным побережьем Турции и о. Кос)³⁶. Им сопутствовал набор бронзовых гирь – балластов, инкрустированных серебром. Большой кампан позволял взвешивать до 126 кг груза и имел подвесной противовес в форме бюста богини Афины, что нисколько не смущало пользовавшихся им крещеных наветов, захвативших с собой в рейс кадило с изображением креста на шаре.

Находки подобных гирь, как и весов, относятся к ранневизантийскому времени, преимущественно к VI–VII вв., хотя точная датировка большей части весовых знаков весьма затруднительна, учитывая однотипность таких памятников и их длительное нахождение в обращении, которое могло исчисляться столетиями³⁷. Один из них, размерами 16,3 × 16,3 мм и высотой 5 мм, весом 8,07 г, с буквами NB (2 номисмы) в круге на лицевой стороне, был найден в 1964 г. при раскопках в портовой части Херсона, на 16-й улице, в смешанном слое³⁸. Вообще, следует отметить, что наиболее часто подобные гири и обломки кампанов, безменов – балансиров, с греческой буквенной нумерацией на стержнях встречались именно в этом районе города³⁹. Едва ли это случайно.

Иногда знаки на разновесах стирались от долгого обращения и тогда их подновляли, как это видно на обнаруженной в «регионе так называемой малой агоры», около общественного «здания Г» напротив Южных ворот города («Ворот мертвых») бронзовой дисковой гири диаметром 6,2 см, 1,4 см толщены, весом 305,7 г, то есть либра-фунт с колебанием от 327,6 до 300 г, украшенной веночком и крестиком с сильно расширенными концами⁴⁰. На ней повторно был углублен тупым инструментом знак, похожий на стрелку, и буква «А»⁴¹. Находки аналогичного типа, иконографии, изготовленные на токарном станке, известны в египетских, британских, французских коллекциях, встречались при раскопках Анемуриума, в Ясси-Ада около южных берегов Турции, Бет-Шеане в Израиле, Мафраке в Иордании, Сан Винченцо аль Вольтурно в Италии и других местах, где дати-

руются VII–VIII вв.⁴². Примечательно, что выпуск разновесов формально должен был регламентироваться и контролироваться государством, но, тем не менее, реальный вес гирь почти всегда оказывался немного ниже эталонного, указанного на них, очевидно, к выгоде менял и торговцев, привыкших иметь дело не только с денежной медью, но и с золотом. Как заметил Кристофер Энтвистл, «кажется весьма маловероятным, чтобы ответственная за это бюрократическая система, насколько мы можем судить о ней по законодательству того времени, имела возможность производить и контролировать производство тысяч гирь для товаров и монет с уровнем точности до двух знаков после запятой».

Местный монетный двор не прекратил своего функционирования к концу VI в., когда по мнению А. Л. Якобсона, якобы начался упадок города⁴³. Интенсивное денежное обращение и необходимость финансирования крупнейших строительных проектов, развернувшихся как раз к этому времени, не могли обойтись без услуг аргиропратов, трапезитов, каталлактосов и симмодариев – ростовщиков⁴⁴. Нумизматические материалы позволяют заключить, что приток византийских монет в Херсон и Таврику стал заметен уже при Юстине I⁴⁵. При Юстиниане I денежное обращение региона было унифицировано с общеимперским⁴⁶. После Юстиниана I по меньшей мере до конца правления Константа II (641–668) продолжался выпуск местной монеты, которую можно подразделить на три группы⁴⁷. Среди них выделяются так называемые «трехфигурные» медные монеты конца VI – начала VII вв. с легендой «Chersonos», которые выпускали в Херсоне и в восточной части Крымского полуострова⁴⁸. Есть основания полагать, что в 613–616 гг. в Херсоне чеканили фоллисы с изображением императора Ираклия и его соправителя, сына Ираклия Константина, на аверсе и св. Юстиниана с посохом, увенчанным хрисмой, на аверсе⁴⁹. Но собственно денежная реформа Ираклия 629/630 г., связанная с унификацией денежного рынка Империи и свертыванием деятельности оффицин в восточных провинциях (в Фессалонике, Никомидии, Кизике, Антиохии), была проведена непоследовательно⁵⁰. В Таврике на время тоже прекратилась собственная эмиссия и прошла массовая надчеканка всех прежних выпусков. На меди появились контрамарки двух групп: монограмма «R» и хризма⁵¹. Херсонесские монетарии избирательно подвергали этой операции отдельные монеты, начиная от городских выпусков II в. н. э. до пентануммиев Юстиниана I и полуфоллисов Юстина II и, таким образом, по мнению некоторых исследователей Херсонеса–Херсона, стремились достаточно просто и быстро унифицировать всю пеструю монетную массу, свести монеты различных достоинств к единому номиналу – пентануммию, ставшему, судя по его исключительному большинству, основным при проведении торговых сделок⁵².

Однако следует принять поправку к этому выводу М. М. Чорефа, который полагает, что контрмаркирование проводилось как с целью деноминации находившейся в тот период в обращении разновесной мелкой медной монеты – до уровня гемифоллиса, так и для подтверждения достоинства более крупной⁵³. С этим вполне можно согласиться, поскольку при Ираклии I по всей империи действительно происходило облегчение веса выпущенной меди, в результате чего и наблюдалась массовая перечеканка разменных монет с целью увеличить их достоинства, что привело к постепенному исчезновению из обращения мелких номиналов. Контрмаркирование должно было поднять достоинство обесценившихся в тот период разменных монет для обеспечения хозяйства в должном объеме средствами платежа. По мнению М. М. Чорефа, в ходе реформы все эти монеты были превращены в гемифоллисы⁵⁴.

Таким образом, любая монета сохраняла покупательную способность независимо от времени выпуска, что позволяло сохранять денежную массу и обеспечивать достаточное насыщение рынка. И все же сокращение, а временами даже полное прекращение собственной чеканки со второй половины VII в. было явлением повсеместным и так или иначе затронуло все владения Империи, кроме некоторых единичных италийских и сицилийских центров⁵⁵. Гегемоном византийского денежного дела отныне и надолго стали столичные константинопольские оффицины, в свою очередь снизившие активность. Однако видеть в этом один из главных показателей кризиса Херсона, как и других ромейских провинциальных центров, неправомерно. Подобное уже наблюдалось и в истории Римской империи, и в истории города раньше, причем в относительно благополучные времена. Так, число монет значительно уменьшилось с эпохи домината, когда произошла стабилизация Империи. На период правления Диоклетиана до Феодосия I приходится 5,20% совокупных находок

монет, а от Анастасия до Юстиниана I – всего 0,96%⁵⁶. Трудно подозревать упадок Херсонеса в IV–V вв., но именно тогда, после прекращения херсонесской чеканки в правление Галлиена, с 70-х гг. III в. город не выпускал собственную монету и обеспечивал сравнительно интенсивное денежное обращение за счет поздних боспорских статеров и общеимперских римских монет, которые находят в Юго-Западном Крыму особенно часто⁵⁷. По аналогии с ситуацией эпохи «темных веков» это должно было бы указывать на «резкое сокращение денежного обращения и торговли», тогда как анализ источников, напротив, свидетельствует о стабилизации и даже определенном подъеме последней с некоторыми регионами Империи⁵⁸. Кроме того, мы имеем факт нахождения на территории Таврики значительного количества крупных константинопольских бронзовых монетных номиналов времен правления Льва I и Зинона, которые стали массово поступать сюда после денежной реформы 498 г. Анастасия I Дикора⁵⁹. Заметный приток мелких дореформенных монет Анастасия I тоже свидетельствует о расцвете причерноморской торговли и вообще об экономической активности⁶⁰.

Кроме того, надо учитывать то, что многие исследователи не принимали и не принимают во внимание: и во время работы, и в течение всех перерывов в деятельности оффицины раннесредневекового Херсона в городе из столетия в столетие свободно обращалась по принудительному курсу любая привозная и местная монета, даже старая римская, а затем ранневизантийская, что увеличивало объем монетной массы, необходимой для нормального функционирования рынка и для поддержания денежного обращения, повседневного товарообмена, иными словами, монетаризированности экономики на прежнем или даже более высоком уровне⁶¹. В этом опять-таки видится общеимперский феномен.

Жители Таврики использовали римские медные монеты разных систем и достоинства, являвшиеся своего рода жетонами. В обращении оставались и поздние бронзы античного Херсонеса⁶². Судя по тому, что их включали в раннесредневековые клады, их роль могла быть значительной. Нехватка мелких номиналов компенсировалась даже тем, что крупные херсонско-византийские монеты конца VI в. достоинством в 4 и 8 пентануммий аккуратно разрубали пополам или на четыре части⁶³. До середины VII в. сохранилось обращение позднеантичной и ранневизантийской бронзы, в том числе таврических выпусков Юстиниана I⁶⁴. Они могли ходить до тех пор, пока из обращения не выпали все мелкие номиналы вплоть до декануммия. Поздняя эмиссия монет Тиверия Маврикия (582–602), чеканенных, как считается, во втором выпуске херсонесского двора, имела меньший вес, чем монеты первого выпуска, ранней эмиссии: вес медных фоллисов постепенно снижался с 16,2 до 9 г⁶⁵. Фоллисы Ираклия (610–641) имели уже только такой вес⁶⁶. Однако почему в этом явлении надо видеть лишь деградацию, отражение кризисных явлений в византийской экономике? С куда большим основанием причину снижения веса самой ходовой монеты можно увязать со стремлением властей уравнивать вес местной и прочей византийской меди, связать традиционную монетную систему Херсона с общеимперской и, значит, с заинтересованностью Константинополя во включении города в единый денежный рынок Империи. Правдоподобность такого объяснения тем более вероятна, что херсонский монетный двор, как уже указывалось выше, так или иначе оказался вовлечен в общеимперскую денежную реформу василевса Ираклия⁶⁷. В 654 г. в византийской Таврике прошла эмиссия фоллисов с изображением Константа II и его старшего сына, соправителя Константина на аверсе и св. Ираклия на реверсе⁶⁸. Вообще с середины VII в. здесь ходили уже только фоллисы и гемифоллисы⁶⁹. Наличие в обращении только меди низших номиналов указывает на то, что они выпускались не столько для финансирования нужд местной администрации и федератов, сколько для пополнения обращения разменной монетой, причем привычного местным жителям номинала, что свидетельствует об активизации региональной торговли, внутреннего рынка, повседневного товарообмена⁷⁰. Их узко-местное хождение преимущественно в границах «номисма-зоны» города и других кастра, поселений Юго-Западной Таврики, вполне объяснимо и экономически оправдано: бронзовые мелкие номиналы всегда удовлетворяли потребности обращения главным образом внутренних, локальных рынков⁷¹. Кроме того, высокая потребность в мелких платежных средствах вызвала в Херсоне неординарное для Византии явление – копирование их с помощью литья. Эта технология оказалась настолько выгодной, что использовалась в византийской Таврике до прекращения ее денежной эмиссии. В результате в обращение

поступало множество серий разнообразно оформленных монет⁷². Разумеется, эта масса разнородных монет постоянно нуждалась в пересчете на старую и периодически обновлявшуюся, новую шкалу денежных единиц, но это была забота херсонских менял, которые никогда не оставались без работы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

¹ См.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 495–637; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. М., 2013. Ч. 1. С. 142–278, 507–589; Ч. 2. С. 7–511.

² *Каждан А. П.* Византийские города в VII–IX вв. // Советская археология. 1954. Т. 21. С. 164–168; *Foss C.* The Persians in Asia Minor at the End of Antiquity // English Historical Review. 1975. Vol. 90. P. 721–743; *Foss C.* Archaeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia // American Journal of Archaeology. 1977. Vol. 81. P. 469–486; *Каждан А.* Марксизм и податный способ производства (размышления над книгой: *Дж. Холдэн.* Государство и податный способ производства. Лондон–Нью-Йорк, 1993) // ГЕННАДИОС. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 116; *Laiou A.* Exchange and trade, seventh-twelfth centuries // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, DC, 2002. P. 697–770.

³ *Bintliff J.* The End of the Countryside: A View from the East / J. Bintliff J., A. Snodgrass // Jones R. F., Bloemers J. H. F., Dyson S. L., Biddle M. et al. First Millennium Papers: Western Europe in the First Millennium AD. Oxford, 1988. P. 212.

⁴ *Russel J.* Transformations in the Early Byzantine Urban Life: The Contribution and Limitations of Archaeological Evidence // XVII International Byzantine Congress: Major Papers. New Rochelle, 1986. P. 137–154.

⁵ *Kennedy H.* From Polis to Madina: Urban Change in Late Antique and Early Islamic Syrian // Past and Present. 1985. Vol. 106. P. 3–27.

⁶ *Sodini J.-P.* La contribution de l'archeologie a la connaissance du monde byzantin (IVe–VIIe siecles) // Dumbarton Oaks Papers. 1993. № 47. P. 182; *Saradi H.* The Byzantine City in the Sixth Century: Literary images and Historical Reality. Athens, 2006. P. 31–38, 464–470.

⁷ *Gregory T. E.* Archaeology of Byzantine Dark Age: Problems and Prospects // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies: Selected Papers, Main and Communications: Moscow, 1991. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. Shepherdstown, 1996. P. 221–224.

⁸ *Whittow M.* Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History // Past and Present. 1990. Vol. 129. P. 3–29; Recent Research in Late-Antique Urbanism / Ed. by A. Lewin. Portsmouth, RI, 2001. P. 238–245.

⁹ *Haldon J.* Byzantium in the Seventh Century: The Transformations of a Culture. Cambridge, 1990. P. 93–117; *Saradi H.* The Byzantine City in the Sixth Century... P. 96–101, 454–459, 464–470; *Харви А.* Экономика // Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В. В. Швеца; гл. ред. С. Б. Сорочан; ред. А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын, А. Г. Чекаль, А. А. Роменский; пер. и адапт. указателя А. Н. Домановский. Вып. 2. Харьков, 2015 (Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Т. 4). С. 664; *Haldon J.* The Empire That Would Not Die. The Paradox of Eastern Roman Survival, 640–740. London, 2016.

¹⁰ Ср.: *Zakythinos D. A.* «La grand breche» // Charisterion eis A.K. Orlanon. Athens, 1966. Т. 3. P. 300–327; *Haldon J. F.* Some Considerations on Byzantine Society and Economy in the Seventh Century // Byzantinischen Forschungen. 1985. Bd. 10. P. 75–112; *Harvey A.* Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200. Cambridge, 1989. P. 207; *Оксфордское руководство по византистике* / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В. В. Швеца; гл. ред. С. Б. Сорочан; ред. А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын, А. Г. Чекаль. Вып. 1. Харьков, 2014 (Нартекс. Byzantina ukrainensia. Т. 3). С. 323–328; *Харви А.* Экономика. С. 664–665.

¹¹ *Haldon J.* Byzantium in the Seventh Century: The Transformations of a Culture. P. 117–120; *Sideraropoulos K.* E nomismatike kyklophoria sten yasteroromamike kai protobyzantine Messene. Typiko paradigma e istorike exairese? // Early Christian Messene and Olympia: Urban and Agrarian Areas in the Western Peloponnese. Athens, 2002. P. 99–124; *Metcalf D. M.* Monetary Recession in the Middle Byzantine Period: The Numismatic Evidence // Numismatic Chronicle. 2001. Vol. 161. P. 111–155; *Morrison C.* Byzance au VIIe siecle: le temoignage de la numismatique // Byzance. Hommage a Andre Stratos. Athens, 1986. Vol. 1. P. 149–163; *Morrison C.* Survivance de l'economie monetaire a Byzance (VIIe–IXe s.) // The Dark Centuries of Byzantium (7th–9th c.). Athens, 2001. P. 377–397; *Оксфордское руководство по византистике*. Вып. 1. С. 169; *Haldon J.* The Empire That Would Not Die. The Paradox of Eastern Roman Survival, 640–740. London, 2016; *Харви А.* Экономика. С. 664–665.

¹² *Sodini J.-P.* et al. Dehes (Syrie du Nord). Campagnes I-III (1976-1978). Recherches sur l'habitat rural // *Syria*. 1980. Т. 57. P. 270-272, 301; *Saradi H.* The Byzantine City in the Sixth Century... P. 35-36, 39.

¹³ *Алексеевко Н. А.* Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Херсонесский сборник. 2003. Вып. 12. С. 343.

¹⁴ Ср.: *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001. С. 159; Оксфордское руководство по византистике. Вып. 1. С. 50, 55–56.

¹⁵ *Гурулева В. В.* Перспективы изучения византийских стеклянных экзагиев как источников для датировки памятников из стекла // Византия в контексте мировой истории. СПб., 2004. С. 24–25.

¹⁶ С. Th. 12.6.21; С. J. 10.72.9; Законодательные памятники административной и финансовой политики ранней Византии. Ч.1: период 364–491 гг. / Пер., коммент, прим. В. В. Серова. Барнаул, 2004. С. 118–119.

¹⁷ *Entwistle C.* Byzantine weights // *Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections.* London, 1994. P. 15; *Гурулева В. В.* Перспективы изучения... С. 27–28; Оксфордское руководство по византистике. Вып. 1. С. 55–56.

¹⁸ *Климанова Л. Г.* Н. П. Лихачев: византиноведение в рукописном наследии ученого // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 208; *Entwistle C.* Byzantine weights. P. 15, 87-90, № 82-91.

¹⁹ *Успенский Ф. И.* О бронзовых весовых знаках византийского происхождения, находящихся в коллекции Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. 16. С. 101; *Entwistle C.* Byzantine weights. P. 15.

²⁰ Опись коллекций за 1931 г. с № 35466–35531 // Архив Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (далее – НЗХТ). Д. № 656 / 2. Л. 16; *Белов Г. Д.* Дневник раскопок Херсонеса в 1931 г. // Архив НЗХТ. Д. № 317. Л. 17.

²¹ *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // Херсонесский сборник. 1959. Вып. 5. С. 23–24.

²² *Entwistle C.* Byzantine weights. P. 15; *Гурулева В. В.* Перспективы изучения... С. 25; Оксфордское руководство по византистике. Вып. 1. С. 56.

²³ См.: *Золотарев М. И.* Метрология средневекового Херсона. Симферополь, 1973 (рукопись) // Архив НЗХТ. Д. № 1694. Л. 40–41. В НЗХТ (инв. № 12984) хранится тремисс Льва III с Константином (717–741), а еще два таких же номинала – Филиппика Вардана (711–713) и Льва III с Константином происходят из Скалистинского могильника в Юго-Западном Крыму. Вероятно, на внутреннем рынке византийских центров Таврики постоянно, а не только в VIII в., ощущалась нехватка разменной монеты, в том числе низких номиналов золотых монет (*Гурулева В. В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. С. 440, прим. 4).

²⁴ *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (ст., пер., коммент.) // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 179, письмо XVII.

²⁵ Отчет за 1899 год // Архив НЗХТ. Д. № 8. Л. 34; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // Известия Археологической комиссии. 1901. Вып. 1. С. 42, прим. 4; С. 44; *Васильев А. А.* Описание византийских гирь и экзагиев, хранящихся в Академии // Известия Российской академии истории материальной культуры. Пб., 1922. Т. 2. С. 237–240.

²⁶ *Васильев А. А.* Описание византийских гирь... С. 237–240; *Чуистова Л. И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. 2. С. 101–112, №77, 94, 98, 100, 106, 122, 149, 159, рис. 21, 22, 24, 25; *Гурулева В. В.* Византийские весовые знаки с изображением храма из Херсонеса // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1997. С. 11; ср.: Оксфордское руководство по византистике. Вып. 1. С. 54.

²⁷ Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. Д. №13. Л. 12–13 (А. Л. Бертъе-Делагард принял находки за «клише для облаток»); *Чуистова Л. И.* Античные и средневековые весовые системы... С. 101, прим. 1, № 77.

²⁸ Отчет за 1904 год. Л. 30–31.

²⁹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе таврическом в 1903 году // Известия Археологической комиссии. 1905. Вып. 16. С. 2, рис. 1, 2.

³⁰ Отчет за 1904 год. Л. 18.

³¹ См.: Производство археологических раскопок и разведок в Таврической губернии // Отчеты Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 71, рис. 315; Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // Отчеты Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 165–166, рис. 531; *Сорочан С. Б.* Херсонес – Херсон – Корсунь / С. Б. Сорочан, В. М. Рубарь, Л. В. Марченко. Киев, 2003. С. 81–83.

³² *Гурулева В. В.* Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. 16. С. 84.

³³ *Entwistle C.* Byzantine weights. P. 15; *Ousterhout R.* Secular architecture // *Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era AD 843–1261.* New York, 1997. P. 196.

³⁴ Ср.: *Kazdan A. Zygostates // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 22-32.*

³⁵ «...часть небольшого бронзового безмена, впервые встречаемого устройства: взвешиваемый предмет прикреплялся к цепочке, которая при помощи петли свободно вращалась вокруг стержня, удерживаемая на конце его заостренной головкой. Уцелела лишь верхняя часть цепочки. Отсюда на стержне четырехгранной формы, на ушках, наглухо заклепанных, обращенных в разные стороны и в разном друг от друга расстоянии, прикреплены 3 крючка и далее идет уже более тонкий стержень с делениями, от которого сохранилась незначительная часть; тоже, но больших размеров, причем для прикрепления 3-х крючков в стержне проделаны выемки и сохранились бронзовые болтики, удерживающие крючки. От более тонкой, также 4-хгранной, части стержня с делениями разной величины на 3-х сторонах, уцелели два куска 0,21 м общей длины. Деления сильно пострадали от окиси, но доступны для расследования специалистов; ясно читается буква N (50); цепь бронзовая массивная, 0,17 м длины, от большого безмена с крючком для взвешиваемого груза с одной и с приспособлением для вращения вокруг стержня с другой стороны. См. описание двух предыдущих частей» (Отчет за 1904 год. Л. 17).

³⁶ См.: *Bass G. F. A 7th Century Byzantine Shipwreck / G. F. Bass, F. H. van Doornik // Nautical Archaeology. Texas, 1982. P. 121-140; ср.: Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections / Ed. by D. Buckton. London, 1994. P. 100, 109; Оксфордское руководство по византистике. Вып. 1. С. 56-57.*

³⁷ *Иващенко М. М. Находка византийского экагия в Грузии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1948. Вып. 19. С. 43-44; Золотарев М.И. Метрология... С. 42; ср.: Гурулева В. В. Византийские весовые знаки... С. 87. Свинцовая сферическая гири с железной петлей для подвешивания к крюку подобного кампана присутствует среди материалов жилой усадьбы 2 (пом. 20) северного квартала X, сгоревшего в XIII в. (Голофаст Л. А. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса / Л. А. Голофаст, С. Г. Рыжов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. Вып. 10. С. 214, рис. 18, 8).*

³⁸ НЗХТ. Инв. № 36675 / 3.

³⁹ Кроме указанных выше находок в 1904 г. экагиев и обломков кампанов в виде четырехгранных стержней, к которым на цепочках крепились по три крючка, а на стержнях были нанесены буквенные деления, в 1906 г. в этом же районе были обнаружены бронзовая цепь 0,20 м длины с крючком для удерживания груза, разновесы в виде квадратных бронзовых пластинок: 0,007 × 0,007 × 0,002; 0,008 × 0,008 × 0,002; 0,009 × 0,009 × 0,003; 0,01 × 0,01 × 0,004 м, бронзовый четырехгранный стержень 0,32 м длины, оканчивающийся наконечником с двумя перехватами. На толстом конце стержня были просверлены четыре дырки, причем от последней до конца стержня с двух противоположных сторон вырезаны деления, разграниченные буквами Λ и X (Отчет за 1906 год // Архив НЗХТ. Д. № 15. Л. 40 об.). См.: *Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы... С. 136-137, № 5-8, табл. 41-43, 72).*

⁴⁰ Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. Д. № 14. Л. 3; *Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // Известия Археологической комиссии. 1907. Вып. 25. С. 135, рис. 27; ср.: Оксфордское руководство по византистике. Вып. 1. С. 51.*

⁴¹ Похожая бронзовая гири точно такого же веса, но диаметром 3,5 см (sic!) изветна в собрании Гос. Эрмитажа (инв. № 8 б). Веночка на ней нет, а крестик имеет «латинскую» форму. Знаки в центре в виде стрелки и буквы А тоже возобновлены каким-то тупым орудием (*Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы... С. 112, № 161, табл. 50, 110).*

⁴² *Byzantium. P. 99-100, № 108.*

⁴³ Ср.: *Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 63. С. 33.*

⁴⁴ Ср.: *Сорочан С. Б. Ранневизантийский сектор услуг: менялы (IV-IX вв.) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2000. Історія. Вип. 32. С. 39-48.*

⁴⁵ *Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 94.*

⁴⁶ *Чореф М. М. История византийской Таврики по данным нумизматики. Тюмень; Нижневартовск, 2015 (Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма; suppl. 1). С. 24.*

⁴⁷ См.: *Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8 Jh. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2000. Вып. 7. С. 302-303.*

⁴⁸ *Чореф М. М. История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 29-38.*

⁴⁹ Там же. С. 38.

⁵⁰ См.: *Morisson C., Barrandon J. N., Poirie J. Nouvelles recherches sur l'histoire monetaire byzantine: evolution comparee de la monnaie d'or a Constantinople et dans les provinces d'Afrique et de Sicile // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1983. Bd. 33. P. 278.*

⁵¹ *Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 105-108; Гурулева В. В. Редкие и неизданные монеты из коллекции Д. П. Вашкова // Византийский временник. 1997. Т. 57 (82). С. 184; Чореф М. М. История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 38-39.*

⁵² *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. С. 105–108; *Алексеевко Н. А.* Клад ранневизантийских монет... С. 345.

⁵³ *Чореф М. М.* История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 39.

⁵⁴ Там же. С. 39.

⁵⁵ *Hendy M. F.* On the administrative basis of the Byzantine coinage c. 400 – c. 900 and the reforms of Heraclius // *Hendy M. F.* The Economy, Fiscal Administration and Coinage of Byzantium. London, 1989. VIII, P. 142; *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 110–111.

⁵⁶ *Романчук А. И.* Этнические изменения в Юго-Западном Крыму в IV–VII вв. и судьбы причерноморских городов: концептуально-интерпретационный подход // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Ростов-на-Дону, 1998. С. 136–137.

⁵⁷ *Чореф М. М.* История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 22–23.

⁵⁸ *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989. С. 60–76, 80, 86–87, 93, 98–100; *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев, 1993. С. 31–37, 43–45, 53–60, 111–117.

⁵⁹ *Чореф М. М.* История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 22.

⁶⁰ Там же. С. 23.

⁶¹ См.: *Гилевич А. М.* Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году // Херсонесский сборник. 1959. Вып. 5. С. 192–193; *Гилевич А. М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. 1968. Вып. 3. С. 32–34; *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. С. 97, 104–107; *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 109; *Алексеевко Н. А., Ковалевская Л. А.* Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округа Херсонеса // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов Крымской научной конференции. Симферополь, 1988. Ч. 3. С. 231–232; *Зубарь В. М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988. С. 3–14; *Зубарь В. М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 17; *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). С. 120; *Алексеевко Н. А.* Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. М., 1995. С. 25–26; ср.: *Пономарев А. Л.* Чего нет, того не сосчитать? Или сколько в Византии чеканили монет. // Математическое моделирование исторических процессов / Отв. ред. Л. И. Бородин. М., 1996. С. 224–235.

⁶² *Чореф М. М.* История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 23.

⁶³ *Грандмезон Н. Н.* Заметки о херсонсо-византийских монетах // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 212.

⁶⁴ *Чореф М. М.* История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 28.

⁶⁵ *Соколова И. В.* Монеты и печати ... С. 24.

⁶⁶ *Grierson Ph.* Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. - Washington, 1968. Vol. 2. P. 38, 381; *Соколова И. В.* Монеты и печати ... С. 27.

⁶⁷ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. С. 104–109; *Алексеевко Н. А.* Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. С. 25–26; *Чореф М. М.* История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 38–39.

⁶⁸ *Чореф М. М.* История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 42.

⁶⁹ Там же. С. 50.

⁷⁰ Там же. С. 29.

⁷¹ Местные херсонесские монеты и прежде, в первые века н.э., сравнительно редко покидали пределы города, концентрируясь преимущественно в его ближайшей округе и Хараксе (см. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья ... С. 77–80, 87, 93, 99). В «дальнем зарубежье», малоазийских и западнопонтийских провинциях они почти не встречались.

⁷² Подр. см.: *Чореф М. М.* История византийской Таврики по данным нумизматики. С. 50–61.